

Я не сильно удивился, когда увидел перед собой заброшенный театр, вход в который был в каком-то грязном переулке. Старое здание выглядело самым обычным и удивительно скучным, сливаясь с бесчисленными другими постройками. Вокруг него не было даже намёка на волны, здание не создавало какой-то мистической атмосферы или чего-то подобного.

Но это всё было лишь ширмой. Удивительно правдоподобной, скрывающей чёрт знает какое дно, ширмой.

Крутанул в руке зонтик, спасающий меня от дождя. Почему-то мысль, что метафизическое сознание сейчас могло пристально наблюдать за мной, не пугала. Скорее, заставляла задумываться над тем, что потом вновь приснится малышке Сэнди и что она ещё захочет нарисовать.

Всё для того, чтобы я извратил и исказил очередной рисунок, сделав его совершенным.

Или, правильнее сказать, просто более полным?

— Так как ты вышел на это место?

Я немного помолчал.

— Проследил за жертвой.

— Но разве ты не был в казино?

Я неожиданно захихикал. Надрывисто, истерично. Чарльз, видя мою реакцию, нахмурился.

— Ты нестабилен, Фишер.

Я удивлённо повернул на него голову.

— Не припомню, приятель, чтобы хоть раз был стабилен, — ответил я. — Работа такая.

Стиляга буквально придавил меня взглядом.

— Мы оба понимаем, про что я говорю, демон. Ты должен сейчас же взять себя в руки. Та тварь и рассчитывала на то, чтобы вывести тебя из себя, разве ты не понимаешь этого?

Я ответил не сразу, крутанув зонтик в руке. Мой дорогой дружбан слабо понимал, что сказал мне дилер. Тем более он не понимал, что на конкретно этого уродца Немое меня и направило. По какой-то причине оно хотело, чтобы я узнал про себя больше, и это мне совсем не нравилось.

И тем более мне не нравилось то, к каким выводам я приходил. Как сам, так и по чужим наводкам. Ведь, если все мои предположения окажутся верными, пусть даже частично, то...

Нет. Глобально ничего не поменяется.

На моё лицо вылезла широкая ухмылка.

— Если бы та тварь действительно вывела меня из себя, то мы бы сейчас здесь не стояли, дружище.

Проигнорировав тяжелый взгляд «напарника», повернулся к двери. Зонтик из моей руки исчез,

его место заняла кисть. Движением уже своей кисти дверь была перечеркнута и буквально вырезана из реальности.

Я против воли взглянул на дар океана у себя в руке. Дар океана, чье самосознание было уничтожено, в сухом остатке оставив практически идеальный для меня инструмент.

Могло ли быть так, что я в любом случае получил бы его? И, что вероятнее, кисть изначально и не стремилась обязательно к Немое? Или, вернее сказать, не только к Немое?

Сука, сука, сука, сука, сука...

Пространство вокруг меня поплыло. На краю сознания я слышал бесчисленный шепот голосов существ из океана, пытавшихся успокоить меня, среди которых в том числе была малышка Мэри, но это уже слабо помогало. Хотел того или нет, я осознал, чем являюсь. Просто осколок. Личность, что держится на покорёженном обручке целого. Сколько существует ещё осколков? Существую ли я вообще?

И, что самое главное, если осколки когда-то захотят слиться воедино, что произойдёт с личностью? От неё же ничего не останется. «Я» утону среди бесчисленных «МЫ», после чего меня-нас в любом случае затянет обратно в океан. Место, в котором я застряну до скончания веков. Но, кажется, меня это уже совсем не будет волновать.

Я вновь захихикал.

А «Я» вообще выбирался за пределы океана?

Несколько моих вариаций безумно засмеялись, начав методично прошибать себе мозги.

Выстрел.

Выстрел.

Выстрел.

Выстрел...

Я остановился, сделав глубокий вдох и выдох.

Ещё один вдох и выдох.

Вдох и выдох.

Вдох и выдох...

— Если ты сейчас дашь слабинку своему безумию, демон, то мы можем не выжить, — вновь заговорил у меня за спиной Чарльз. — То... существо, сказала, что ты осколок. Я слабо понимаю, что это значит, но мне кажется, что для тебя это не должно играть важной роли.

Я медленно перевёл взгляд на Чарльза, наклонив голову.

— Не должно играть важной роли? Почему ты так думаешь?

Стиляга поморщился.

— Ты спокойно жил и без этого знания. И, к моему сожалению, приятель, будешь жить дальше. Если к тебе придёт другой осколок, то просто выстрели ему в голову. Или взорви её. Есть много способов убить самого себя, Фишер. Уверен, ты попробуешь их все. Твоё нынешнее самоопределение устраивало тебя, так зачем менять это? Просто донеси эту мысль... остальным.

Было видно, как тяжело давались эти слова мужчине. Он не чувствовал ко мне никакой эмпатии и уж тем более сострадания. Лишь страх, спрятанный под злостью, раздражением и многими другими не самыми положительными эмоциями. И тем не менее — он действительно говорил то, что думал. Я чувствовал это.

Я бы даже сказал, если бы он оказался на моём месте, то сам бы так и поступил. Точнее, совсем не так, но мыслил бы как минимум в похожем направлении. Заниматься самоуничтожением очень увлекательно только первое время. Дальше уже нужно думать над тем, что с этим делать.

Параллельно уничтожая самого себя.

Голоса в голове утихли. Пространство вокруг меня стабилизировалось. Я ненадолго задумался, вновь взглянув на кисть в своей руке.

— Как был бы прекрасен мир, если бы всё действительно можно было решить логикой и здравым смыслом, Чарльз. Спасибо за старания.

Я улыбнулся настолько чистой и искренней улыбкой, насколько мог. Не уверен, что вообще был способен на такую, но мне удалось добиться нужного эффекта и лицо стилиста перекосило в непередаваемой гримасе. В представлении мужчины, он только что дал воплощению какого-нибудь Владыки Ада совет и тот искренне поблагодарил его.

Во всяком случае, мне действительно полегчало. Спускался вглубь здания я уже заметно более спокойным и собранным.

Театр был идеальным убежищем для разного рода швали. Внутри было тепло и удивительно просторно, вокруг, на первый взгляд, не было ни единой души. Подобное заблуждение было с нами недолго: совсем скоро мы вышли в зал. Наполненный людьми зал.

— Мы не опоздали? — нейтральным тоном поинтересовался я.

Иногда мне кажется, что океан сам по себе любит играть контрастами, раз за разом создавая одну картину безумнее другой. Вроде бы понятную, привычную, но при этом — какую-то не такую. Заброшенный зал находился в аварийном состоянии, с потолка что-то сыпалось, отваливались лампы, обваливались стены. Вокруг было грязно, повсюду валялся разбросанный мусор, сам воздух был пыльным и каким-то вязким.

Но это совсем не мешало десяткам людей, рассеявшись по пыльным грязным сидениям, с широкими улыбками наблюдать за представлением. На контрасте с казино, в окружающем пространстве витало концентрированное счастье. Или, правильнее сказать, СЧАСТЬЕ.

Кто-то от счастья лил слёзы, кто-то обнимался, кто-то же просто немигающим взглядом смотрел за представлением, игнорируя нас. Там, на пыльной сцене, что ещё недавно закрывали грязные красные шторы, группа из четырёх человек синхронно танцевала. Медленно, неспешно, словно смакуя каждую секунду своего существования. На лицах танцоров застыли непроницаемые умиротворенные улыбки, которые не могло покоробить

ничего.

В стороне от них за фортепиано сидел какой-то ниггер и играл что-то. Играл что-то знакомое, но вспомнить как-то не получалось, совсем не интересовался игрой на фортепиано.

«Это же Шопен, Ноктюрн опус 9, Мистер Фишер! — вдохновлённо прошептал у меня Пит в голове. — Как-то раз мне попалась женщина, что очень увлека...»

— Как тебе игра, Чарльз? — проигнорировал я поток слов твари. — Честно говоря, не очень люблю фортепиано, но играет он неплохо.

— Вот же дерьмо...

Я покосился на открывшего рот мужчину. Видимо, количество жертв превышало его самые смелые предположения.

— Зришь как всегда в корень, приятель.

«Зал внутри заброшенного театра, толпа зачарованных людей... — пропела у нас в ушах Мисс Андерсон. — В дождливую ночь, Тень и вечно хмурый детектив...»

— Заткнись, Тейлор, — прошипел раздражённый Чарльз, достав наушник из уха.

Я ограничился тем, что просто заглушил связь.

Сзади нас слышались шаги. Мы повернулись и увидели человека, что с застывшей улыбкой, напроочь проигнорировав нас, направился к пустому месту, став новым зрителем. Окинув внимательным взглядом толпу, я пришёл к выводу, что какой-то системы между ними не было: среди «зрителей» были как чистые люди, так и какие-то грязные заморыши. Как бедные, так и богатые. Как белые, так и чёрные, в том числе латиносы с азиатами. Америка, в конце концов, страна эмигрантов и тварь принимала всех, независимо от расы и происхождения. Даже возраст людей был разным, среди толпы попадались как дети, так и уже глубокие старики.

Вот это я понимаю настоящее равноправие.

Единственное, в чём они были едины — в своём СЧАСТЬЕ.

— Похищенных намного больше, чем мы предполагали... — прошептал Чарльз. — Ты сможешь их усыпить?

— Думаешь, они продолжат «не верить» после пережитого?

— Стирание памяти должно будет сгладить углы, — не потерял надежды специальный инспектор. — Или ты хочешь избавиться от них, Фишер?

Мужчина мигом стал мрачнее тучи, хотя, казалось бы, куда ещё хуже?

— Честно говоря, мне насрать. Главное, чтобы это было «тихо», — пожал плечами я. — Разве нам не нужно сперва найти «Кукольного Ангела»?

— Сейчас его здесь нет. Пока есть возможность, усыпи их. Пожалуйста.

Так как мой дружбан воспользовался волшебным словом, у меня не было выбора, кроме как вновь пожать плечами и согласиться (не то чтобы я поступил бы как-то иначе, но ладно).

Желая перед встречей с сущностью сэкономить побольше сил, воспользовался для себя как бы не самым наименее затратным и точечным воздействием.

Передо мной появилась моя «Универсальная Удочка», принявшая форму пустого холста. Чёрной кистью быстрыми движениями я начал схематически вырисовывать то, что видел перед глазами, словно отпечатывая реальность на холсте. Старался не сосредотачиваться на общем пейзаже: он мне не нравился и даже раздражал. Очень не хватало в такие моменты малышки Сэнди, чьи пейзажи меня вдохновляли и давали мотивацию творить.

К сожалению, сейчас это была обычная работа.

Примечательной деталью было то, что изображенные люди не улыбались, не плакали (от счастья) и не смеялись. Вместо этого они спали. Картина буквально была пропитана чувством лени и какого-то чарующего желания поспать. На какой-то миг расслабиться и забыться. Я вкладывал это в каждый взмах кистью, буквально отпечатывая свои намерения на холсте.

Мне потребовалось не больше пары минут, чтобы закончить.

Когда же я сделал последний штрих, холст поплыл и очистился. За холстом же едва заметная волна прошла и по окружающему пространству. Люди, один за другим, принялись отключаться, и даже тех, кто был на сцене, эта участь не миновала.

— Доволен? — лениво поинтересовался я.

Чарльз зевнул, и сам едва не вырубившись. Мужчина недовольно проморгался, Впрочем, не став лишний раз меня ни в чём обвинять.

— Да. Они не проснутся?

— Ближайшие несколько часов — даже если здесь рванёт ядерное оружие.

— Если здесь рванёт ядерное оружие, то они точно не проснутся, — справедливо заметил Чарльз. — Пойдём.

Минуя людей, мы поднялись на сцену, не видя следов твари. Казалось, она куда-то вновь сбежала, что было, честно говоря, маловероятно.

— Мог ли ангел вновь сбежать? — спросил специальный инспектор.

«Существо где-то поблизости, Мистер Фишер, — прокомментировал нетерпеливо Редди. — Я чувствую запах еды! Точно не могу сказать, босс, но он определённо в этом зале!»

Как он там не обожрался ещё?..

— Оно где-то здесь, — нахмурился я. — Но я не могу понять, где.

— Чутьё?

— Можно и так сказать.

— Промежуточные твари самые раздражающие, — потёр переносицу стилиста.

Я не стал отвечать, внимательно осматриваясь. Конечно, с Чарльзом я был согласен на все сто: природная человеческая защита действовала только на чистых нематериальных существ. Они,

насколько я понимал, находились как в нашем мире, так и за его пределами, имея с материальной реальностью ограниченный контакт. Материальные сущности были лишены этого недостатка и потому могли без всяких проблем влиять на материю, в том числе на людей. Воздействуя же на материю, можно повлиять и на энергию, в данном случае — душу.

Но что насчёт «промежуточных» существ?

Несколько моих вариаций разделились, начав исследовать местность. Кто-то внимательно обходил людей, кто-то, воспользовавшись сотрудниками, принялся прыгать по нематериальности. Не зная я, что за нами незримо наблюдает метафизическое воплощение, и уже давно бы начал творить вокруг погром, не опасаясь за то, что до кого-то дойдёт то, чего даже не произошло бы.

Промежуточные существа лишены недостатков как нематериальных существ, так и материальных. Благодаря своей природе они, как правильно, мобильны и незаметны, имея возможность в любой момент куда-то «испариться», при этом не имея никаких ограничений на взаимодействие с материей.

Более того — полуматериальная форма существования предполагала, порой, крайне неожиданные формы воплощения. По крайней мере, так мне шептала интуиция и опыт взаимодействия с такими тварями.

Единственным плюсом здесь было то, что таких уродцев на фоне основной массы сравнительно немного.

— Ничего не понимаю...

— Ничего не понимаю...

— Ничего не понимаю...

Одновременно несколько моих вариаций, в конечном итоге остановившись в одной точке на сцене, уставились в никуда. Точное местоположение твари никому так узнать и не удалось, что было особенно странно на фоне того, что мы все так или иначе пришли к выводу, что оно было где-то здесь. В пространстве витал странный слабый энергетический след, воздействие на людей откуда-то продолжало незримо идти, да и обоняние многомерного красно-розового ублюдка ещё никогда не подводило.

— Хм?

Я настолько увлёкся, что немного потерялся среди существующего и несуществующего, забыв про специального инспектора.

Он исчез.

Честно говоря, осознание того, что стилига на ровном месте испарился и я остался стоять на сцене один, немного напрягло меня. Или даже не немного. И без того не самый приятный воздух стал ещё более тяжелым и вязким. Голова словно немного закружилась.

Чувство дискомфорта и неправильности будто медленно начало пожирать меня изнутри. Наверное, не будь у меня увлекательного разговора с дилером, и я был бы заметно более собранным. Но сейчас, стоило признаться перед собой, моя рассеянность и общая... расшатанность начала играть со мной злую шутку.

«Я видел, как он отправился в сторону гримёрки, Мистер Фишер», — подсказал Пит.

Молча направился в сторону тех самых гримёрок, спустившись со сцены. Они были совсем небольшими и располагались практически прямо за сценой. Изначально нам не удалось найти в них ничего интересного. Чарльз нашёлся быстро.

— Решил припудрить носик, приятель? — с улыбкой поинтересовался я.

Мужчина, закрывшись в маленькой комнатке, сидел перед старым пыльным зеркалом. В нём и отражение толком видно не было.

Сидел и... просто смотрел в зеркало.

Моя улыбка застыла.

До восприятия начали доходить отголоски СЧАСТЬЯ.

— Я так устал, Фишер, — пробормотал Чарльз, повернув на меня ничего не выражающий взгляд. — Ты никогда не думал просто сдаться и позволить течению забрать тебя?

Я нахмурился.

— Нет.

— Зря, — вылезла умиротворённая улыбка на лицо специального инспектора. — Ты знал, что в этом мире есть и добро? Никогда не мог подумать, что в Бездне существуют те, кто искренне хотят помогать другим. Кто будет вместо нас защищать людей и мир, кто подарит нам чувство спокойствия, безопасности и безграничного счастья... Больше нам не придётся ни о чём переживать или бояться, я был слеп...

— О чём ты гово...

Я не успел закончить, периферийным зрением увидев, как по пространству прошла неуловимая волна энергии. Осознание пришло поздно:

Весь зал и был многоруким ангелом.

На миг мне показалось, как меня со всех сторон схватили бесчисленные руки. Крепкие, буквально железные.

Мир для меня неожиданно преобразился.

Я осознал себя одним из зрителей, сидящим в зале. По правую сторону от меня сидел Чарльз. Спал. По левую — материализовавшаяся тень, Шеди, сгусток красно-розовой инопланетной многомерной субстанции, Редди, и структурированная вспышка света, Пит.

Лишь я не спал, хотя, казалось бы, ни тени, ни инопланетной жиже, ни извращённому кошмару не нужен был сон.

Мой взгляд устремился на сцену, где прямо на моих глазах начала развиваться сценка. Сценка, как раздражённый художник пытался что-то усиленно нарисовать, явно недовольный своим творением. Я сразу понял, что представление было посвящено персонально мне.

Моё лицо перекосило. Я попытался гневно закричать, но из моего горла во всех доступных мне

вариациях донёлся один лишь тихий хрип. Меня обездвижили до того состояния, что я даже прострелить себе череп не мог.

А значит, вынужден был смотреть.

Актёр на сцене, неожиданно что-то нечленораздельно выдавив из себя, взял готовый рисунок и недовольно порвал его, принявшись вновь что-то рисовать, ещё более отчаянно.

А затем вновь.

И вновь...

И вновь...

И вновь...

Сам не заметил, как, против воли наблюдая за развивающейся сценой, за тем, как актёр, прямо на сцене всё больше и больше сходит с ума от постоянных неудач, истерично засмеялся.

Кажется, мне решили устроить персональный Ад.

<http://tl.rulate.ru/book/98238/3852757>